

Анатолий Арсеньевич ОКУНЕВ¹

Ученики учили учителей

Фрагменты интервью (22 июля 2015 года)²

В.Ш.: Анатолий Арсеньевич, как случилось, что вы стали учителем 239-й школы? Чем запомнились первые годы работы?

А.А.: По дурости, в общем-то. После института меня отправили в Лодейное поле, и там я начал работать. Помню, у меня был 11-й класс, в нём было 12 человек: трое — мальчишки, остальные — девчонки. На уроке мне было очень хорошо: я отворачивался к доске, доказывал теорему, иногда напевал что-то. А когда контрольная... Когда надо сдавать работу — все девчонки ревут и ничего не сдают, хоть ты тресни. А потом мне Валерий Адольфович Рыжик прислал письмо, что есть такая 239-я школа, давай, приходи к нам работать. Меня директор почему-то с радостью отпустил. Там два года надо было отработать, а я проработал только один год и потом сразу попал в 239-ю школу. Когда ты молодой, тебе всё не страшно. Если б я осознавал, куда я шёл, что это математическая школа, серьёзная, я бы не пошёл.

Это была школа со львами, недалеко от Дворцовой площади. Удивительная школа. И когда я вошёл в это здание... Во-первых, оно потрясает своей мощью. Проходишь мимо двух львов, открываешь дверь — и лестница прямо наверх идёт. Парадная, удивительно красивая. А внизу был кабинет директора, туда я и пошёл. И покамест я ждал директора, в комнату, где сидела секретарша, входил то один учитель, то другой — и один другого аристократичнее. Это были красивые, удивительно

¹ Анатолий Арсеньевич Окунев работал в 239-й школе учителем математики с 1963 по 1971 год.

² Интервью провёл и записал Вадим Шалыгин (выпуск 1971 года).

могучие, прекрасные люди. При дворе, может быть, такие служили. Наталья Эдуардовна Тиме вошла туда, я был потрясён. Потом пришёл Юрий Лазаревич Слуцкий. И все такие солидные, мощные, наделённые какой-то такой насыщенностью интеллектуальной.

Директор, Мария Васильевна Матковская, сказала мне: «Давай!» — и я начал преподавать. Мария Васильевна, с одной стороны, простая женщина была, а с другой стороны, она умела общаться со всеми великими академиками, докторами наук, ей было нестрашно это всё. Я-то со всеми боялся разговаривать, а ей было это нестрашно. Она встречала всех утром на парадной лестнице — в конце, на площадке. Когда все поднимались по этой огромной лестнице, Мария Васильевна Матковская всех встречала грозным таким взглядом.

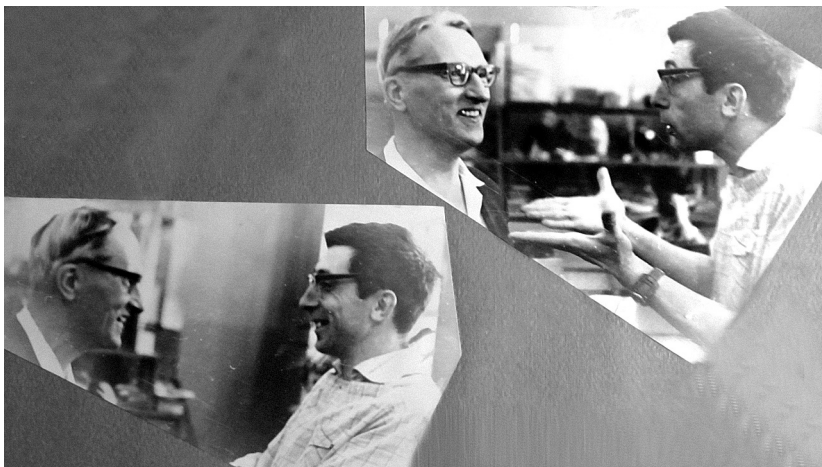
В.Ш.: Учителей? Учеников?

А.А.: Всех. Многие даже и не думали, что это директор. Она-то ощущала себя директором и показывала себя так. Нет, конечно, она была директор! Она — властная, мудрая, простая. И вот она своей простотой вводила людей в заблуждение: не думали, что это директор. Директор чопорный должен быть какой-то, с манией величия, властностью на лице. У неё ничего этого не было. Но она была сильная, мудрая, знающая своё дело. И умела создать такую атмосферу в школе... Я даже не знаю, как она это делала. Наверное, человек иногда делает что-то просто своим присутствием. Когда она ходила по школе и когда встречалась, разговаривала с учителями, то какая-то создавалась атмосфера, где не только учителя пытались учить детей, но и дети учили. Там же было 10 девятых, 10 десятых классов, и поэтому дети могли друг с другом общаться необычайно интенсивно, и они друг друга воспитывали даже больше, чем их воспитывали учителя.

Мне дали 9-й класс. Все думают, что только ученики учителей боятся, а учителя учеников не боятся. Но я совсем

Анатолий Арсеньевич Окунев (1970 год).
Фото Валерия Мухера.

Владимир Васильевич Бакрылов (слева)
и Валерий Адольфович Рыжик (1969 год).
Фото А.А. Окунева.

молоденький был, и поэтому тревожно было. Помню первое родительское собрание. Там был профессор Ляпин, который когда-то мне читал высшую математику в Педагогическом институте. Оказалось, что его дочка, Лариса Ляпина, учится в моём классе. И она, видно, сказала, что учитель задал много примеров. И профессор Ляпин на собрании говорит: «Как же так можно — 25 задач задавать!» После собрания директор мне сказала только: «Чего ж он так!?!». А Лариса Ляпина сейчас доктор наук, правда, гуманитарных, в Герценовском институте работает.

В школе, кроме директора Марии Васильевны Матковской, был удивительный, солидный, мощный, добрый и несказанно мудрый завуч Михаил Иванович Рыбалко. Его увидеть только, пожать его руку — и уже чувствуешь себя тоже человеком. Ребёнку в школе очень важно — как найти себя и поверить в себя. И учителю каждую секунду надо верить в себя.

Так же, как актёр выходит на сцену — если он в себя не верит, он ничего не сыграет. Он не покорит зал. Так и в класс надо входить с каким-то таким ощущением, с одной стороны, трепета, а с другой стороны — какой-то тревоги и уверенности. Как в клетку к тиграм входит артист — либо его сожрут тигры, либо он... покажет свой номер.

Тут по телевидению у Табакова спросил ведущий Максимов: «Педагог — это кто такой? Я понимаю: ведущий — он ведёт беседу, столяр делает табуретки. А педагог-то — что он делает?» Табаков сказал: «Это человек, который говорит правду». На что Максимов сказал: «Да ну, бросьте вы! Что, только педагог говорит правду?» Табаков говорит: «Да! А что ли все говорят правду?» Ну, это он напрасно так сказал, но в то же время, действительно, по этому критерию дети очень чутко улавливают — и либо отвергают учителя, либо тихо от него отходят и начинают посмеиваться, либо принимают его. И вот это удивительно. Должна быть искренность в отношении учителя — к жизни, к детям, и вот эта правдивость, как сказал Табаков. Дети это очень хорошо чувствуют, и от этого создается какое-то биополе.

Я вспоминаю эти первые годы. Спрашиваю себя: ну что ж ты там такое говорил? Ну как же ты их держал? Я вспоминаю, как я потом работал там год завучем, ходил на уроки к учителям, и в общем-то все вели уроки в традиционной манере. Учитель у доски рассказывает, дети слушают, пишут, заучивают. И я, наверное, так же вёл. Хотя и пытался что-то выдумать новое и необычное. Готовился я к урокам очень много. Идёшь на урок — и надо его вести, надо говорить, а в классе дети сидят продвинутые, желающие знать, познавать. Может быть, не умеющие, но желающие.

Я ходил на уроки к удивительному преподавателю Владимиру Васильевичу Бакрылову. Он был атлетически сложен и на уроке очень чётко всё говорил. У него в конспекте всё главное, что надо сказать, было подчёркнуто красным карандашом.

Я имею в виду задачи — в каких задачах что главное. И я учился у Владимира Васильевича Бакрылова, я брал у него конспекты, смотрел, что он делал, а потом старался сделать в полтора раза больше, чем он. Больше по объёму. Я ему про это не говорил, но я себе такую ставил задачу.

Владимир Васильевич — артист. Иногда на уроке он пел, причём прекрасно пел. Иногда читал стихи. Это удивительный человек, который умел работать. Умел работать, причём красиво работать. Вот 6 часов уроков у него, так он планировал эти уроки так, чтобы у него хватило сил на все 6 уроков. Чтобы в середине этого дня была либо контрольная работа, либо самостоятельная, либо дети сами работали, чтобы ему передохнуть и работать всё равно на полную мощь. Почему-то он мало кому из учителей передавал свой опыт, он не рассказывал ничего. Но я помню, как осенью я пришёл в школу и смотрю: Владимир Васильевич с одним учеником занимается. Я говорю: «А что это вы делаете?» А он говорит: «У меня двоечник, получил задание». И он с этим парнем, с одним-единственным, сидел неделю и требовал от него, чтобы тот всё-таки рассказал ему то, что они изучали. Вот такая требовательность и к себе, и к детям. И в то же время понимание, что они не могут быть всё время в рабочем состоянии. Надо им спеть, прочитать стихи. Все его с благодарностью вспоминают... Я не знаю, многие ли ученики могут вспомнить, как ты преподаёшь математику. Но многие вспомнят и помнят учителя за то, какие отношения складывались, как ты с ними общался. Когда Бакрылову присвоили звание Заслуженного учителя, он, наверное, в течение месяца из школы уходил с огромными букетами цветов. Он шёл мимо Новой Голландии — это было уже после переезда школы на Мойку — и он шёл к Кировскому театру¹ с огромными букетами.

¹ Ныне Театру оперы и балета имени С.М. Кирова возвращено историческое название Мариинского театра.

Мирра Гиршевна Кацнельсон (1960-е годы).
Фото А.А. Окунева.

Я тоже готовил к урокам конспекты. Я их писал не на больших листах, а брал конвертик, как один наш профессор в Педагогическом, который преподавал теорию вероятностей. В этом конвертике у него лежали какие-то листочки бумаги, которые помогали выстраивать лекцию. И я тоже взял конвертик. С этим конвертиком у меня были две истории. Однажды я шёл через Дворцовую площадь к школе со львами, вдруг слышу — женщина кричит мне: «Молодой человек, молодой человек! Шпаргалки потеряли!» Это было около колонны на Дворцовой площади. А другой раз — в учительской. Там удивительное было общение, много смеха, юмора. Уникальная атмосфера, к друг другу все учителя относились с несказанным уважением. И вот Валерий Адольфович Рыжик, который меня пригласил в эту школу, однажды в учительской, увидя мой конвертик, взял и стащил его. Мне идти на урок, а конвертика у меня нет. А там все задачи...

А.А. Окунев на уроке.
1970 год.
Фото Валерия Мухера.

В.Ш.: Какое коварство!

А.А.: И я уже не успевал ничего... И пошёл на урок без конвертика, и по памяти всё восстановил.

В.Ш.: Такой вопрос: насколько независимо друг от друга работали учителя математики в школе?

А.А.: Ну как... Вот я, значит, у Бакрылова брал конспекты, изучал их и старался сделать больше, чем он. Ко мне на уроки он ни разу не приходил. А вот Валерий Адольфович Рыжик, уже на Мойке, 108, ко мне однажды пришёл на урок. Я очень старался, чтобы всё получилось. А после урока подошёл к Валерию Адольфовичу, говорю: «Ну так что? Ты мне скажешь что-нибудь

про мой урок?» Он говорит: «Как! Ты действительно хочешь, чтобы я тебе что-то сказал?» Я был так потрясён, что потом две недели не спал и через две недели пришёл другим человеком. По-другому совершенно стал преподавать.

Среди учителей математики был потрясающий человек — Гарри Борисович Ахвердов. Он любил в шахматы играть, со всеми ребятами сидел. Ребята говорили, что это такой учитель, который умеет решать любую предложенную задачу. После его смерти мне его жена дала большой ящик, где были задачки олимпиадные написаны и решения. Удивительно каллиграфическим почерком! Все это с такой любовью было сделано! Это было дело его жизни, и он весь был погружён в это.

А ещё был Александр Иванович Ефимов. Я не знаю, чем он брал. Очень жёсткий человек был. Он с удовольствием, конечно, в школу ходил, но дети сидели у него на уроках не шевелясь. Однажды Ефимов и Ахвердов сидели в учительской. И что-то Ефимов не то сказал по какому-то вопросу, который они обсуждали. На что Ахвердов сказал: «Вы знаете, Александр Иванович, я, пожалуй, с вами рядом сидеть не буду», — встал и пересел на другое место. Это удивительно. Он не стал спорить, а просто взял и пересел.

В.Ш.: Единой программы не было для всех классов?

А.А.: Насчёт программы я до сих пор не знаю, что это такое. Меня всё время спрашивают: «По какой программе вы работаете?» Ну как... Программа государственная, учебники все написаны... Кстати, вот про интеграл я вспомнил. Когда я работал на Мойке, 108, на уроках я интеграл давал. По-моему, в вашем же классе.

В.Ш.: Да, и дифференциал тоже.

А.А.: А потом я получил приказ, где мне вынесли выговор за то, что я давал интеграл на уроке. Вот такой смешной был случай. И Мирра Гиршевна Кацнельсон мне подарила платок, на котором был вышит интеграл.

В.Ш.: Слёзы вытирать?

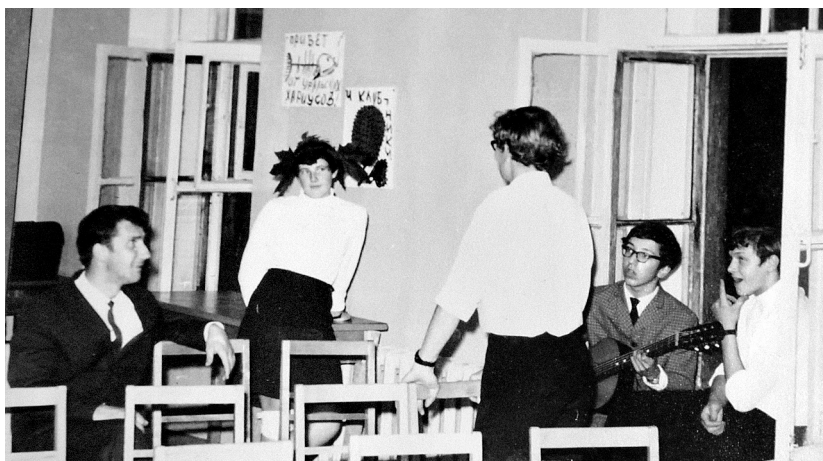
А.А.: Да, слёзы вытирать. Нет, единой программы не было. Если говорить о математиках — никто не навязывал, что надо делать. Общешкольные контрольные, конечно, бывали. Однажды моим детям, которые только что пришли в 9-й класс и ещё ничего не знали, через два месяца дают контрольную по геометрии. И там все двойки получили. Автором этой контрольной работы был Абрам Григорьевич Гольдберг из Института усовершенствования учителей. Я говорю: «Как же вы могли дать такую контрольную?» Он говорит: «А чего ж вы дурака валяли? Надо было за два месяца с ними всё повторить».

Понимаешь, повторить-то — это ладно. Но дело всё в том, что многие ребята имели какие-то знания, а работать не умели. Важно было, чтобы школьники со своими «четвёрками» и «пятёрками», которые они принесли из другой школы, понимали, что не в оценках дело. Важно уметь работать, уметь взяться за этот кусок нового, суметь познать. Понимать, *что* тебе надо делать на уроке. И не только на уроке.

В те годы я был совсем молодой преподаватель, и я думаю, что это были счастливые годы. И в 239-й школе была удивительная всё-таки атмосфера, когда ученики учили учителей, а учителя пытались учить учеников. Кто из них больше преуспевал, не знаю.

В.Ш.: Может быть, вы вспомните какие-то эпизоды из школьной жизни, которые отражают эту атмосферу?

А.А.: В этой школе каждое утро в каждом классе начиналось с *десятиминутки*. Десять минут ребята рассказывали о новостях в спорте, в театре, в науке, в политике — обо всём. Я не помню, кто придумал эти десятиминутки, но как-то это было организовано. Классного руководителя могло и не быть. Я однажды в каком-то классе присутствовал на десятиминутке и сел за парту. И входит какой-то молодой, раскованный, обаятельный парень, который опоздал, но видит, что нет учителей.

Перед началом вечера песни в 10-1 классе.
Слева направо: А.А. Окунев, Лена Елфимова,
Миша Миркин (с гитарой), Сергей Черкасов. Осень 1970 года.
Из фотоальбома А.А. Окунева.

Он идёт по классу к своему месту, со всеми здоровается. Я ему тоже руку протягиваю. Он пытается мне пожать, и тут осознаёт, что что-то не так. Это было на его лице. До сих пор помню этот неповторимый момент.

Одно время в школе со львами была необычная ситуация: там были младшие классы, три класса было маленьких: первый, второй, третий. И однажды я ребят собрал с каждого класса по одному человеку, и мы решили поздравить всех девчонок с 8 Марта. Мы целый вечер сидели и к значкам «8-е Марта» привязывали живую веточку мимозы. И утром, когда все поднимались по парадной лестнице, стояли парни в два ряда, и каждой девочке, каждой учительнице дарили этот значок. Все прикалывали его к груди, и вся школа ходила с веточками мимозы. А одна девочка, третьеклассница, когда парнишка ей

подарил значок, бросилась ему на шею и поцеловала. Парень растерялся неимоверно. Не знал, что делать.

Когда-то — так случилось — я был завучем один год. Я ходил на уроки к учителям, и однажды сидел на уроке Натальи Эдуардовны Тиме, учительницы литературы. Это удивительный человек. Она спрашивала детей: «Как вы думаете, дети, почему Лев Толстой в этом месте поставил запятую? Почему?» Дети думали, выдвигали свои идеи, и в этот момент, самый интересный, открывает дверь какой-то мальчишка из 3-го класса и говорит: «А я там трусы в парте забыл, можно я их возьму?» Наталья Эдуардовна говорит: «Дети, посмотрите, есть там трусы?» Ребята говорят: «Да, вот тут». Она говорит: «Деточка, возьми и больше никогда не оставляй». То есть ни слова возмущения, что её прервали на таком анализе — «Почему Лев Толстой поставил в этом месте запятую?»

А вот другая удивительная история, на Мойке, 108. Я как-то шёл после школы, и со мной шли Серёжа Черкасов и Вадик Шалыгин. У меня был кинопроектор и портфель. Вадик Шалыгин взял у меня кинопроектор. Поэтому мне было легче. И вот подходим к мосту, который перед Кировским театром. Там ларёк стоит, и женщина продает дыни. Я говорю: «Я купил бы дыню, да не донести до дома: руки заняты — портфель и кинопроектор...» А Серёжа Черкасов говорит: «А зачем нести? А можно здесь и съесть». Я говорю: «Ну, давай!» Он говорит продавщице: «Можно вон ту дыню нам достать, в самом конце?» Продавщица в ответ: «Да, сейчас я полезу тебе за этой дыней! Хочешь — иди сам и доставай». Серёжа перешагнул через прилавок, достал эту дыню и говорит: «Жалко, ножа нет». Продавщица дала нож, мы тут же разрезали, съели по куску. Я говорю: «Всё не съесть, придётся здесь оставить». Серёжка: «Зачем? Вон девочки наши идут». И угостил и девочек.

Ещё помню — в вашем же классе это было. Вы пригласили меня на новогодний вечер, который готовили сами, без моего

участия. Прихожу к началу вечера — и не вижу ёлки. Спрашиваю: «А где же ёлка?» Мишка Миркин показывает на стул, который висел по центру, и говорит: «Стул-то сделан из ёлки, вот мы его и украсили». Это было здорово.

Эта школа удивительна ещё и тем, что вся воспитательная и учебная работа как-то незаметно была организована, ненавязчиво. Например, то, что делал Валерий Адольфович Рыжик со своими «Шагами», когда каждое воскресенье 100–200 человек отправлялись в поход в лес. А потом на каникулах 6–7 групп ребят шли в продолжительный поход в Хибины, на Урал, кто куда мог. И это уникально. Когда Ида Ильинична Славина организовала клуб «Алые паруса», и там в этом огромном зале — я помню спортивный зал, там было человек триста детей — каждую пятницу что-то проводилось. Либо ставились спектакли, либо читались стихи. Удивительно, как у неё сил хватало на это на всё. Однажды ко мне приехал друг из Горького и пришёл на вечер «Алых парусов». Он был просто потрясён: «Такого не бывает в жизни вообще никогда». А ещё был, конечно, клуб «Тензор». Он был небольшим, и, можно сказать, похож на подпольный. Георгий Петрович Посецельский создавал его. Георгий Петрович — это культура. Это интеллигент удивительный. Я думаю, что ребятам на его уроках надо было не столько за физикой следить, сколько за ним. И наслаждаться тем, как он говорит, как он ходит, какие жесты у него. Это был удивительный аристократ.

Была у нас удивительно приятная, прекрасная женщина Софья Львовна Щучинская, она преподавала немецкий и отвечала за школьную стенгазету «Юность». Каждую неделю вывешивалась эта стенгазета, и собиралось множество ребят читать. И вот Валерий Адольфович Рыжик затеял там дуэль с учениками, спорил с каким-то учеником. Каждый понедельник все собирались, читали, что там будет дальше. Через три или четыре недели, я помню, Валерий Адольфович написал: «Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку», то есть ученик уже сильно

Вечер, посвящённый летнему походу по Южному Уралу
(10-1 класс, осень 1970 года).

Из фотоальбома А.А. Окунева.

его достал... Важно, что Софья Львовна не сама делала газету — она умела поговорить с одним учителем, с другим, и учителя тоже не делали газету, но дети умели всё это делать.

Так что эта газета была ещё одним удивительным нервом, который держал ребят без всяких нотаций, без моралей. В школе создавалась потрясающая творческая атмосфера, и поэтому, несмотря на то, что много двоек ставилось, было очень тяжело многим, никто не терял надежду справиться самому — и справлялись, хотя работы экзаменационные не были простыми. А главное — ребятам было где найти себя новых, необычных, не тех, к которым привыкли дома. Не тех, к которым они сами привыкли. Выйти в другую ипостась, в другую форму какую-то. И это было прекрасно.

Конечно, я помню, что сам я тогда на самом деле не давал такой свободы детям на уроке, как делаю это сейчас. Дети мало говорили друг с другом.

В.Ш.: На ваших уроках никому в голову не приходило разговаривать за партой. Более того, кое-кто из моих одноклассников до сих пор удивляется некоторым жёстким требованиям по учебной дисциплине. Например, вы требовали заранее проводить поля во всей тетради, с первой до последней страницы. Ширина полей была строго регламентирована.

А.А.: Ты понимаешь, с одной стороны, это ужасно. Такое требовать нельзя. Но в то же время, это психологическое действие учителя в отношении ученика. Чего-то учитель этой ерундой — проводить поля — чего-то он добивается.

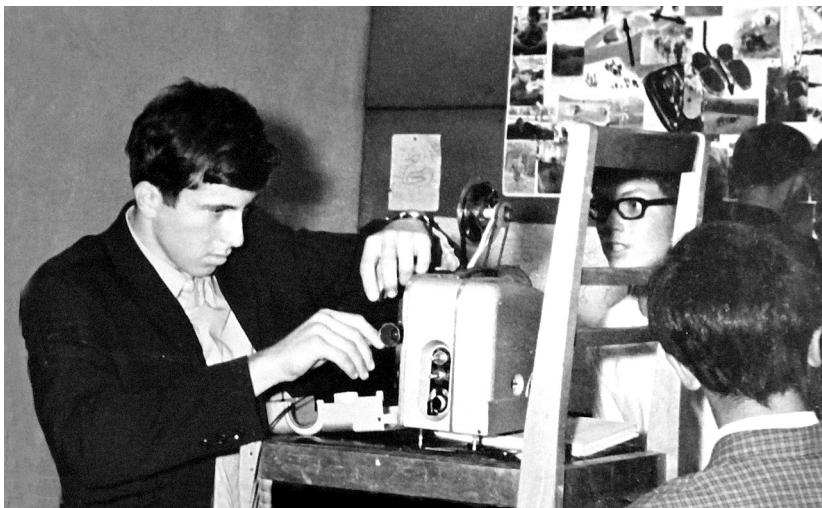
В.Ш.: А помните ли вы фестиваль «Осень на Мойке»? Как вы к нему относились?

А.А.: Это было удивительное действо. Осенью каждый класс выдавал на-гора какое-нибудь театральное представление. У одних был имитирован костёр на сцене — сидели у костра, пели песни. Другие ставили спектакли какие-то, готовили поэтические композиции. Удивительно: никто никого не заставлял, и дети с наслаждением это всё делали. С одним из моих классов после этой «Осени на Мойке» я ездил на Терский берег Белого моря. Там была деревенька, домов 50–60, не больше. А рядом, в песках, — кладбище, где стояли огромные кресты. Необычайно огромные — чтобы их не засыпало песком. Мы собирались в клубе и давали там концерт, на базе того, что показывалось на «Осени на Мойке». Затем мы переехали в деревню Варзуга. Там рыбаки дали нам пару каких-то хороших рыб, мы сварили уху, а потом у костра, прямо на тоне, мы рыбакам показывали концерт. И этот же концерт мы позднее повторили в Варзуге в клубе, причём эти рыбаки опять пришли, хотя всё уже видели. И в середине действия вдруг свет в клубе погас, и наши ребята стали освещать фонариками действующих лиц.

Зрители не расходились. Ребята в полутёмном клубе спели все песни, прочитали стихи и даже разыграли сценку из Райкина.

В.Ш.: У меня, честно говоря, об «Осени на Мойке» не такие радужные воспоминания, как у вас. Когда у нас была «Осень на Мойке» в 10 классе, мы понимали, что ни написать сценарий представления, ни отрепетировать его у нас времени нет. Во всяком случае без ущерба для учёбы. И мы выкрутились: придумали композицию под названием «Мы». Прямо на сцену актового зала мы вынесли парты, сели за них, положили тетради, учебники и книги. И время от времени кто-то и как бы случайно находил интересное стихотворение, вставал из-за парты и читал его вслух. Это позволило ограничиться просто набором стихотворений и не высасывать из пальца какие-то связки. Изюминкой нашей композиции была песня, которую сочинил Миша Миркин специально для финала: «Пусть дни нашей жизни, как ветры, быстры...» При этом на сцене висел плакат с именами знаменитых поэтов XX века, где между именами А. Вознесенского и Р. Рождественского красовалось — М. Миркин. Жюри, которое возглавляла Ида Ильинична, оценило нашу изобретательность, и наш класс получил призовое третье место.

А.А.: Все эти крупные начинания: «Шаги», «Паруса», «Тензор», «Осень на Мойке» — они давали возможность ребятам реализовать себя. Было удивительно, когда дети на переменах, около кабинета математики вдруг начинали петь туристские песни. Однажды в конце учебного года дети спрашивают: «Что будет у нас завтра на последнем уроке?» Я говорю: «Контрольная». Они были явно разочарованы: «Ну-у, контрольная...» Я говорю: «Если хотите, чтобы не было контрольной, то пойте целый час песни». Они говорят: «Хорошо». И вот я пришёл в класс, кто-то там запел, я подпел, и вот мы сидим, поём, открывается дверь, входит Мария Васильевна Матковская. Она говорит: «Что такое? А, у вас контрольная! Ну, извините...» Она мудрая женщина была...

Дима Фирсов (10-1 класс) заряжает в кинопроектор плёнку с фильмом о походе по Южному Уралу. Это был первый фильм, созданный А.А. Окуневым. Осень 1970 года.

Из фотоальбома А.А. Окунева.

В.Ш.: Могли бы вы сказать несколько слов о Мирре Гиршевне Кацнельсон? Она ведь совсем мало проработала в школе...

А.А.: Ну, я сам-то не так уж много проработал в 239-й школе... Мирра Гиршевна преподавала историю, и я думаю, что преподавала хорошо, но у неё на уроке я ни разу не был. А она однажды была у меня и после урока сказала: «Какой вы, какой вы!» Я думаю, ну всё, сейчас она мне всё расскажет. — «Как вы здорово двигали эту доску переносную, это грациозно, грациозно. Если бы я стала двигать, шуму бы было много, а может, и доска бы полетела, а вы — молодец».

Мирра Гиршевна была человеком, который способен понять любого, способен любому человеку оказать поддержку,

Анатолий Арсеньевич
Окунев в Хибинах.
Март 1970 года.
*Из фотоальбома
Елены Елфимовой.*

помощь, который не боится прикоснуться к неприятностям другого и старается эти неприятности развеять, и в то же время старается человека любого поднять.

Всё время рядом с Миррой Гиршевной было много ребят разных. Причём все для неё были дороги. Она ко всем была внимательна. Не было такого — ты хороший, ты плохой, тебя люблю, тебя не люблю. Каждый из ребят, который к ней подходил, знал, что это взрослый мудрый человек и она сможет ему сказать что-то важное для его жизни. Некоторых она просто держала за руки от плохих дел. Она говорила, что в каком-то возрасте, скажем в 17 или 18 лет, надо человека связывать верёвкой и класть в угол недели на две, потому что иначе он натворит над собой что угодно, и вообще неизвестно что будет.

Мирра Гиршевна действительно спасла одну девочку, которая сейчас спокойно живёт, и у нее всё хорошо. Но был период: никак институт не кончить, и с жизнью никак не поладить было.

Мирра Гиршевна, за что её благодарю, мне говорила про меня как учителя только хорошее. Я знал, что это ерунда, я знал, что король-то голый вообще, что я на самом деле и не умею ничего, и не знаю. Но когда она меня хвалила и когда она мне говорила добрые слова, ни одного плохого не сказала про мою педагогическую работу, даже доску похвалила, как я переставлял с места на место, — это мне помогало дальше идти. Однажды утром я шёл по дороге в школу, и мы с Миррой Гиршевной случайно пересеклись на Майорова. Она просто пожелала доброго дня и сказала: «Я думала о вас», — и всё. Понимаешь, вот это «я думала о вас» — несказанно важно. Чего это обо мне кому-то думать? А тут есть человек, который думает. И это удивительно, это ценно неимоверно.

В.Ш.: Что вам запомнилось в туристских походах со школьниками? Не страшно было брать ответственность на себя?

А.А.: Всё по дурусти. Во-первых, тут стадное чувство: когда все идут в поход, то и ты идёшь. Ни в школьные годы, ни в студенческие годы я в походы не ходил. А тут вдруг Рыжик идёт, Фих идёт, кто-то ещё идёт — в общем, 7 групп. Получается, что и тебе как бы надо идти.

Даже я не знаю, как я решился отправиться с вашим классом в поход на Урал, когда вас набралось 28 человек. Кошмар! Помнишь, когда мы шли по лесу к одной деревне, прямо в лесу, километра за полтора до деревни, встретили маленького мальчишечку? Паниська его звали. Я говорю: «Где ты живёшь?» — «А вон там в деревне». Мы его довели до тракториста, тракторист отвёз его к матери. Мать, мудрая женщина, сначала дала ему кружку молока, тот выпил, а потом отлупила за то, что так далеко ушёл в лес. Очень мне понравилась эта последовательность.

Действительно, походов было много. Тут и Урал был, и Хибины были потрясающие. Обычно в поход уезжали с Московского вокзала, поздно вечером. Перед посадкой в поезд все ребята выстраивались, я им желал чего-то, они мне отвечали, родители давали напутствия детям. И однажды мимо нас проходил парень, с которым я вместе пел в хоре в Герценовском институте. Он остановился, посмотрел, послушал, а потом ко мне подошёл и говорит: «Счастливый ты!» Может быть, в тот момент я и не ощущал, что это счастье. Что это несказанно прекрасно, когда в походе все ребята забираются вместе в одно купе, все эти 28 человек, забивают все полки сверху донизу, и боковые полки тоже, выглядывают со всех сторон, и все поют, причём ждут, оставляют на самый конец самые заветные песни...

В.Ш.: А ещё были ведь каждый год туристские слёты. Было там что-нибудь особенное на этих слётах?

А.А.: Ну, особенное, не знаю... Красиво стояли палатки, порядок удивительный, удивительно нравственная атмосфера, удивительно доброе отношение друг к другу. Всё было прекрасно организовано, и соревнования по спортивному ориентированию тоже, — всё это заслуга Валерия Адольфовича Рыжика. Сколько он радости людям принёс! Неимоверно.

В.Ш.: Не стали ли вы со временем противником специализированных физматшкол?

А.А.: Нет. Нет. Было время, когда в школе завучем по внеклассной работе был Эдуард Константинович Лявданский, он преподавал литературу. И он как-то ездил в Прибалтику и рассказывал там о 239-й школе. Потом мне говорит: «Ты знаешь, полтора часа слушали, когда я рассказывал, что мы делаем». И, действительно, об этой школе надо поэмы писать! Я не знаю, какая она сейчас, но о той, что была...

В первый год моей работы в 239-й мне попался удивительный класс. Какие у них головы были чудесные, как они быстро всё схватывали, как решали мгновенно! Им надо было пода-

вать только математику, им не нужны были никакие учительские измышления, увёртки, никакие «два притопа, три прихлопа». Им была нужна математика, и они эту математику впитывали и выдавали на-гора. Таких учеников можно собрать только в специализированной школе.

В своё время у Валерия Адольфовича Рыжика учился Юрий Матиясевич, который десятую проблему Гильберта решил. Я спрашивал Рыжика: «Что ты делал с ним на уроке? Ведь что бы ты ни сказал, он всё знает, тебе ж с ним нечего было делать?» Валерий Адольфович умудрялся придумать такие задачи, в которых тому надо было искать что-то практическое, скажем, объём какого-то многогранника, чёрт-те знает какого. И тот думал и выдавал идеи, и Рыжик с ним разговаривал. Вот это на самом деле математическая школа. Когда отбираются такие ребята, которые ну так и рвутся в математику. Мне такие встретились преимущественно в первый год, а потом их меньше

Михаил Миркин (слева) и Сергей Черкасов в Хибинах (9-1 класс, март 1970 года). Фото А.А. Окунева.

На перевале Ферсмана. Март 1970 года. *Первый ряд (справа налево):* А.А. Окунев, Сергей Горожанкин, Наташа Зубова, Лена Елфимова, Валя Игнатьева, *второй ряд:* Володя Цепаккин, Таня Королева, Лена Садовникова, Дима Фирсов, *Дима Бенеманский, третий ряд:* Саша Смагаринский, NN, NN, Юра Пожидаев, Илья Падва, NN, NN, Миша Миркин, Володя Дятлов, Андрей Школьник.

стало. Володя Цветков был потрясающий, он потом в Математическом институте имени Стеклова работал. Были и другие доктора наук. Но, понимаешь, у меня сейчас с высоты моего возраста много претензий к самому себе и к тем методам преподавания. Видно, время сейчас такое, а тогда детям как-то нравилось. Но дети не запоминают уроки, никто не говорит: «Как вы здорово логарифмическую функцию нам сегодня рассказали». Или многие годы спустя: «Какой замечательный урок вы нам дали». Никто ни про один конкретный урок никогда не вспоминает, но все говорят об общей атмосфере, о чём-то общем, и *это* самое главное.

Сейчас я заставляю детей на уроке действовать самих, говорить друг с другом, в группах работать и в парах. А раньше на уроках в основном говорил я, а я очень быстро говорю, поэтому многие и не успевали за моей мыслью, за моим словом. И раньше я даже не задумывался об этом, мне казалось, что я преподаю очень хорошо. Но, видишь ли, понимание того, что хорошо и что плохо, с годами сильно изменилось.

Вот сейчас я уже понимаю, что надо каждый урок начинать не так, как ты начинал вчера, и каждый урок с самого начала должен удивлять учеников. Как-то одна учительница-психолог сказала мне: «Разверните детей друг на друга, от себя отверните». А раньше я всё время хотел видеть глаза ребят, и они мне помогали вести занятие. Когда они смотрели на меня, я думал, что всё идёт хорошо, а на самом деле далеко не так. Нужно развернуть учеников друг на друга, от учителя отвернуть, от его как будто бы верных слов, будто бы верных мыслей. И вот сейчас мои ребята говорят, что самое главное, чему надо учиться, — это задавать вопросы, и когда они такое говорят, это радостно.

Когда человек вспоминает и отвечает на вопросы о своём прошлом, то он всё оценивает уже от себя нового. То есть тот человек, который работал в 239-й школе, Окунев Анатолий

Арсеньевич, он был не тот, которым сейчас стал Окунев Анатолий Арсеньевич. Естественно, там, в молодые годы, всё воспринималось иначе.

Понимаешь, если школьник получает плохие отметки, это вовсе не значит, что он плохой ученик. Часто он просто не хочет притираться к учителю, его мыслям, а хочет быть самым собой. Он не вписывается в урок, в то русло познания, по которому его ведёт учитель. И такого ученика считают плохим. Но часто «плохой ученик» ищет себя в другом, и он находит себя в жизни. Он становится более деятельным и более смелым. И этой смелости часто не хватает тем, кто учился на «пятёрки», отличникам, медалистам. Впрочем, в 239-й школе те, кто имел «пятёрки», были удивительные ребята, удивительные.

Почему так неистово и великолепно художники-импрессионисты передают на своих картинах впечатление? Они мудрые несказанно! Молодым людям очень важно именно впечатление — от жизни, от человека, от работы. Именно это важно! Этот набор впечатлений, может быть, даже и не детализированный, остаётся в памяти. А вот как это проанализировать? Хорошо это? Плохо?

Я помню, на Мойке, 108, класс мой был на втором этаже, и однажды я пришёл в класс, а детей нет. Меня тут же вызывает директор, Мария Васильевна Матковская. Я говорю: «Добрый день, Мария Васильевна, в чём дело?» Она говорит: «А вы знаете, что сейчас на перемене весь ваш 9-й класс выпрыгнул в окно?» А под окном сугробы снега были. И один только парнишка осторожный остался — математик, доктор наук сейчас — не выпрыгнул. Остальные все выпрыгнули.

В.Ш.: Что, и девчонки прыгали?

А.А.: Все! В снег со второго этажа. Я и говорю директору: «А вы знаете, Лобачевский тоже в свой университетский двор на корове въезжал». Она говорит: «Слишком много у вас Лобачевских».